

ОН БУДЕТ ЖИТЬ ДОЛГО...

А. РАСКИН

В РОМАНЕ Э. Казакевича «Дом на площади» стосившийся по родине работник советской коммандуры в Германии говорит, что даже заседание местного представительства ему теперь прекрасным и волнующим событием.

Я вспомнил об этом потому, что именно на заседании месткома впервые увидел Евгения Петрова. И должен сразу сказать, что это заседание было действительно событием. В сущности, все было очень просто: Петрова принимали в члены профсоюза. Был это в 1929 или в 1930 году в Хургазе, на Стратском бульваре, 11. Я был мальчишкой, шестилетним, но мне было интересно, и я смотрел на живого Евгения Петрова с живым интересом и мальчишеским обожанием. Впрочем, взрослые члены профсоюза, как я сейчас понимаю, полностью разделяли эти чувства. Почти каждая реплика Петрова сопровождалась искренним и добрым смехом всех присутствующих. Конечно, теперь, почти через сорок лет, я не могу вспомнить слов Петрова. Но я отчетливо вижу его самого: молодого, худого, красивого, черноволосого, с лукавым огоньком в глазах. Почти думаю, что был он в новом синем костюме. И одну его реплику, самую последнюю, я все же запомнил. Петров просил извинить его за то, что он не может остаться до конца собрания.

— Дело в том, — сказал он, — что у меня на днях родился сын. И мне хочется поскорее сообщить ему, что его отец стал членом профсоюза. Ничего особенного не было в этих словах, но тон их был чужд рутине, трафарету, скуке. С Петровым было вступо весело...

***

«Литературная газета» в предвоенные годы находилась на Стрелке. По причинам лирического свойства я часто бывал в том районе. И нередко заходил в редакцию к Петрову. Заходила сперва по делу, а потом и просто так, на правах молодого подшефного фельетониста. Надо сказать, что в кабинете Евгения Петровича почти всегда были «гости». Он замечал в это время редактора, практикующий делал газету. Работы ему хватало. Но гостями он всегда был рад. Вообще он, по моему, не любил оставаться один. Он прекрасно умел работать на людях. В кабинете Петрова читались новые стихи, эссе, граммы, шел обмен новостями, воспоминаниями, кипели горячие споры обо всем на свете.

Помню, однажды, зайдя в этот кабинет, я увидел Евгения Петровича, наснивающего — другого слова не подберу — на Бориса Лалина и Захара Хапревича. Оба они были людьми тихими, но упорными. Петров, как всегда, горячился.

— Но вы помните, что это настоящий сатирический роман? — спрашивал он.

Лалин и Хапревич, переглянувшись, дружно пожимали плечами.

— Хорошо, — сказал Петров, — спросим у свежего человека. Скажите, — обратился он ко мне, — вы читали «Войну с саламандрами» Чапелла?

— Читай.

— Вам нравится?

— Очень.

— Вот видите! — торжествующе сказал Петров.

— Подождите, — заметил Хапревич, — надо узнать, что еще ему нравится. Может быть, у него просто плохой вкус.

— Что еще вам нравится? — сердито спросил меня Петров.

— «Тень» Шарда, — не задумываясь, ответил я.

— Вот видите, — тихо сказал Лалин, — литература, сделанная из литературы...

— Ну, ладно, — сказал Петров, — я вижу, вы уже на всех кидаетесь. Скажите сами, что вам нравится, и я скажу вам, кто вы.

Повсочащались, Лалин и Хапревич решительно заявили, что им нравится «Гроздь гнева».

В городе бузина... — подытожил Петров. — Конечно, это хо-

рошая книга. Но ведь мы говорили о сатирическом романе.

***

Помню разговор о правильном написании фамилий иностранных авторов.

— Вся жизнь знали мы Гюи де Мопассана. А теперь, оказывается, есть еще Ги де Мопассан, — возмущался Петров. — Кому нужно это «Ги»? Есть хороший писатель Энтон Синклер. Зачем делать из него «Унтон»? Между прочим, когда мы с Ильфом были в Америке, выяснилось, что вообще надо писать «Антон». Люди привыкли к Энтону. Зачем им Антон?

***

Вечер. Петров один в кабинете. Перед ним газетная полоса.

— Заходите, — гостеприимно говорит он. — Вот, даем в завтрашнем номере отрывок из поэмы Симонова «Сугорев». Хочу выправить одно место. Видите, вот здесь.

*Прорвавшись в Муттен, он узнал
От муттентальского шлюона,
Что Римский-Корсаков бежал,
Оставив пушки и знамена...*

А я хочу сделать так:

*Что Римский-Корсаков бежал,
Отдав Чайковскому знамена...*

Веселее будет, правда?

***

Евгений Петрович приезжает из театра с премьеры. Он в строгом темном костюме, лицо его невесело. За ним входят в кабинет сразу несколько человек.

— Ну, что, Евгений Петрович, как спектакль?

Петров молча разводит руками.

— А Эп?

— Эп — хороший актер, — говорит Петров, — да разве в нем дело? Помните мое слово, мы еще вспомним Мейерхольда.

***

С Петровым было удивительно интересно работать. Это был редактор, который, увлекшись забавной идеей, загорался, самозабвенно включался в работу автора, выдумывая, подсказывая, находил все новые и новые повороты шутки. У меня до сих пор хранится где-то номер «Литературной газеты» с большим отделом юмора «Жутко и курьез». Это была пародия на отдел юмора в «Вечерней Москве», который назывался «В шутку и всерьез». Помню, как мы сделали эту пародию. Сначала мы сидели и выдумывали в кабинете Петрова. Но в кабинет входили люди, звонил телефон, делался очередной номер газеты. И Петров сказал мне и моему савтору Морису Слободскому:

— Знаете, тут нам будут мешать. Приезжайте завтра утром ко мне домой, и мы добьем это дело.

На другой день мы явились к Петрову. В его домашнем кабинете было просторно и вместе с тем уютно. Помню книжные шкафы, книги Ильфа и Петрова чуть ли не на всех европейских языках, помню «Одноэтажную Америку», изданную в США. На обложке были изображены Ильф и Петров с огромными головами и крошечными туловищами, сидящие в маленьком автомобиле. В комнате были низкие, очень удобные кресла, письменный стол темного дерева. На стене висели рисунки Бурлюка, привезенные из Америки.

— Ну, поехали, — сказал Петров. И мы поехали. Сначала мы проехали по энкавкам, которые печатались в отделе «В шутку и всерьез». Они зачастую были построены на том, что рифмовались фамилии. Так писать очень просто. И мы с ходу сочинили энкавмы вроде таких:

*Не выйдут В. Шкловского
Из К. Паустовского,
К. Паустовского
Не выйдут из Шкловского.*

Или:

*Не выйдут Б. Левина
Из В. Лалина и З. Хапревича.*

— Теперь надо придумать автора энкавкам — сказал Петров.

И мы сообща придумали подписи: «Мих. Тоби». Тут был, конечно, маленький намек на М. Я. Пугачина, который активно сотрудничал в этом отделе. Я вовсе не хочу сказать, что именно он писал неудачные энкавмы.

Потом, учитывая склонность «Вечерки» ко всяким бытовым сенсациям, мы сочинили отрывок из письма читателя.

«И вот, в этой булке я нашел свой левый сапог который потерял еще в прошлом году, на прогулке в Сокольниках».

Был у нас и «смешной» рисунок. Стояла коза и тупо смотрела на большой камень. А под рисунком была шутка:

«Наша КОЗА на камне».

Петров работал с увлечением, придумывая легко и весело, быстро подхватывая шутку, если она годилась, и столь же быстро отгегал предложение. Зашел В. П. Катаев, потом Л. В. Никитин, потом еще кто-то. Петров тут же вовлекал их в работу, читал самое смешное, советовался, спорил, рассказывал о замысле и вариантах, требовал от гостей новых шутки. Несколько раз звонили из редакции.

— Да, да, понимаю... — говорил Петров в трубку. — Мы скоро кончаем. Товар будет — первый сорт! Самим смешно, честно!

И тут же, еще держа в руках трубку, он говорил нам:

— Тут надо сделать вот как... Даже говоря по телефону, он не переставал работать, выдумывая. Работа была закончена в срок. Видно, получилось неплохо. По крайней мере, тогдашняя «Вечерняя Москва» долго не могла простить нам этой шутки.

Мы вышли вместе с Петровым. Во дворе его уже ждала редакционная машина. Тут же прыгнул маленький сын Евгения Петровича.

— Ну, как Петя? — спросил его Петров. — Не обижает тебя большие мальчишки? На нашем дворе, — сказал он, обращаясь к нам, — идет большая и сложная жизнь... А хорошо мы сегодня поработали! Ну, поехали!

И мы поехали в редакцию.

***

— Вы знали Петрова, который Ильф? — этот вопрос я слышу часто. С отгнемом легкого недоверия задает его молодой читатель, для которого эти два имени — Ильф и Петров — давно стали легендарными. Между тем Евгению Петрову сейчас было бы всего 64 года. 70 лет исполнилось бы в этом году Ильфу. Ильфа я не знал, но по всему тому, что я читал и слышал о нем, мне представляется, что многие черты характера, взгляды на жизнь и на искусство, принципы были у Ильфа и Петрова общими. Они уважали людей, ненавидели ханжество, глупость, пошлость, бюрократизм. Обаяли писателем был великий, бескомпромиссная страсть к своей литературной работе. Ряд эпизодов из «12 стульев» не вошел в окончательный текст романа по соображениям чисто композиционным. К ним относятся и публикуемый ныне отрывок. Я уверен, что читатель будет интереснее еще раз встретиться с одним из героев прославленной книги — многострадальным отцом Федором. Не вошли в сборники Ильфа и Петрова и, насколько мне известно, не печатались были с тридцатых годов и предлагаемые вниманию читателей фельетоны. В те годы молодые авторы подписывались иногда озорными псевдонимами: «Дон-Бузилло», «Ф. Толстовский», «Иностранец Федоров», «Юперник». Подписав эти псевдонимами отличные вещи, которые в сегодня звучат весело, умно и остро. Писатель Ильф и Петров жив. Он будет жить долго.

***

***

***

***

***

***

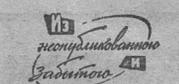
***

***

***

***

***

ИЛЬФ И ПЕТРОВ

КОНСКИЙ ЗАВОД

Матюшка присела на стул и базильно зашептала: — Новое дело затеял Олята, как с Неркой кончится. Неркой звали суку, французского бульдога, которую отец Федор купил за сорок рублей на Мускомском рынке в Москве. Отец Федор замышлял свести бульдожку с крутобокким, мордатым, вечно хихикающим кобелем секретаря уисполкома, а регулярно получаемый от избранной четы приплод отвозить в Москву и с выгодой продавать любителям. При виде собачки полаяла ахнула и со всей твердостью заявила, что «конского завода» не допустят. Сладить, однако, с отцом Федором было невозможно. Катерина Александровна после трехдневной ссоры покорилась, и воспитание Нерки началось. Еду собаке подавали на трех блюдках. На одном лежали квадратные кусочки вареного мяса, на другом —

Глава 3. «Зерцало грешного». Отрывок, но вшедший в окончательный текст романа «Двенадцать стульев».

Евгений ПЕТРОВ. Неубинованный снимок. (Из личного архива В. Л. Петровой-Наташевой).

ОСАТАНЕВШИЙ ДРАМКРУЖОК

«Севильский обольститель», сочинение Тирсо де Молина

в постановке Николая Михайловича Горчакова и Павла Александровича Маркова. Постановщик — Ник. Волковский. Директор ГОМЕЦ — Александр Морисович Данькин. Московский Мюзик-Холл.

На премьеру «Севильский обольститель» в Мюзик-Холле было два иностранных гостя — голландец и эстонец.

— Ну, как? — спросили гостей, когда в последний раз опустился шелковый занавес — гордость ГОМЕЦ.

— Плохо, — ответил голландец.

— Плохо, — сказал эстонец.

Других русских слов они не знали. Но больше и не надо было для определения художественных достоинств этого спектакля. Плохо, плохо и просто плохо.

— Ну, что? Кричать, топтать ногами, грозно заявлять, что Мюзик-Холл не сумел дать Испанию сегодняшнего дня, что не дал даже Испанию вчерашнюю или позавчерашнюю? Не врал, не врал, не врал на высоту, не удирел, не трахнул? Стоит ли! Не в этом дело. Мюзик-Холл не Комедьенте.

Но почему было скучно, и взгляд все время направлялся к дверям, над которыми сверкали синие фанарики с надписью: «запасный выход»?

Пожалуйста, не обижайтесь, так было. Очень хотелось убежать домой, «нах хауэ». Не пугала даже мысль о том, что придется возвращаться в трамвае. Лучше травма, чем красочное испанское действо в постановке Волковского. А городская железная дорога не такое уж приятное развлечение! Но все-таки тем интереснее, больше криков, темперамента и веселой возни. Наконец, в трамвае острят удачное, чем на сцене Мюзик-Холла. И стоит думать. Билет любого ряда от 10 до 20 коп.

Это — не беспринципная травля передового театра, это — не беспочвенные наскоки, это — не простая жадоба зрителя.

гом — манная кашка, а в третье блюдечко отец Федор накладывал какое-то мерзкое мясо, утверждая, что в нем содержится большой процент фосфора. От доброты пищи и нежного воспитания Нерка расцвела и вошла в необходимый для произведения потомства возраст. Отец Федор надирал за собачкой, диспутировал с видными городскими собачьями, скорбя лишь о том, что не может побеседовать с секретарем уисполкома, великим, как говорили, знатоком по части собачководства.

Наконец, на Нерку надели новый шелговатый ошейник с перьями, напоминающий заплата египетской царицы Клеопатры, и Катерина Александровна, взяв с собой три рубля, повела благоухающую невесту к медалисту-женеху.

Счастливым принц встретил прелестную Нерку нежными, далеко слышимым лаем.

Отец Федор, сидя у окна, в нетерпении поджидал возвращения молодой. В конце улицы появилась улитанная фигура Катерины Александровны. Сажаных в тридцати от дома она остановилась, чтобы поговорить с соседкой. Нерка, притеревшаяся шкуркой, рассеянно описывала вокруг хозяйки кольца, восьмерки и параболы, изредка прихихиваясь к основанию ближайшей тумбочки.

ПЯТЬ ЯЗЫКОВ

Не успел Севастополь скрыться из глаз, как на корабле послышались страшные звуки.

— Синдрифос, синдрифос, синдрифос.

— Тешкур едерим.

— Здравствуйте — мерхаба. Прошайте — смарладки. Здравствуйте — мерхаба. Как будто выходит ничего. Конечно, я не оратор, не докладчик, но уже в прениях выступить мог бы. Так и так, мол, товарищи. Мерхаба, здравствуйте, бу ел нирев гидер, куда ведет эта дорога, ну ж, конечно, смарладки, до свидания.

Все держали в руках «Словари» наиболее употребительных слов. Хотелось выучить все слова сразу, чтобы выжить за границу во всеоружии.

Даже с «Петровского» на «Красный Кавказ» доносились:

— Бу насыл бинадыр, бу насыл бинадыр. Что это за здание! Что это за здание!

А никакого здания еще не было видно и не могло быть. Корабли шли в открытом море, и вместе с ними летели на юг птицы стайки. Утопленные перелетом, птички садились на грозные орудиенные башни, невозможные падали в люки, отогрелые в теплых гостеприимных ледниках краснофлотцев.

А на «Шармуане» кто-то бодрим басом зубрил на все Черное море:

— Дайте мне стакан воды. Бина бир стакан су вериниз. Дайте мне стакан воды. Дозсте му эпа нотири нарю. Дайте мне стакан воды. Дате ме ун бикире даку. Можно было подумать, что бедняга умирает от жажды. Но вдруг он неожиданно завопил:

— Пулите, ме ле стивали. Почистите мне сапоги. Это по-итальянски. А по-турецки? — Беним гизмаларны темизиление. Ох какой трудный язык.

Но уже через минуту хозяйская гордость, обуявшая душу отца Федора, сменилась негодованием, а потом и ужасом. Из-за угла быстро выкатился большой одноглазый, известный всей улице своей порочностью, пес Марсик. Помехва хвостом, лежавшим на спине кренделем, мерзавец подскокил к Нерке с нечестными намерениями.

Отец Федор от негодования подпрыгнул на стуле. Катерина Александровна, уличенная беседой, не замечала ничего, происходившего за ее спиной. Востриков ужаснулся и, захватив в сенях палку, выбежал на улицу. Сцена, представившая его азору, была полна драматизма. Катерина Александровна бегала вокруг собак, визжа: «Пошел! Пошел! Пошел!» — и била Марсика зонтиком по могучей спине. Пес не обращал на побои ни малейшего внимания. Мысли его были далеко. Отец Федор бросился спасать свое будущее богатство, но было уже поздно. Изыбитый Марсик уискал на трех ногах.

Дом пронзала большая тяжелая сцена, уснащенная многими тяжелыми подробностями. Полаяла плакала. Отец Федор сердито молчал, с омерзением поглядывая на оскверненную собаку. Оставалась крохотная надежда на то, что потомство Нерки все-таки пойдет по уисполкомской линии.

Лучше я подожду с чистой сапог до Неаполя. В то время, как команда корабля обучалась белгуму рзговору на греко-турецко-итальянском языке, гражданские гости корабля не оставали. Кроме этих трех языков, им надо было изучить еще четвертый, самый трудный, морской язык.

— Что смешалось все.

— Не будем спешить. Давайте по порядку. Сначала греческий, пушка — каноии, улица — одос, подлодка — поврико, а кухня—камбуз.

— Здравствуйте!

— Что зарасте!

— А то зарасте, что камбуз это не по-гречески, а по-турецки, и не кухня, а рыба, вроде камбалы, только больше.

— Вы уверены?

— Абсолютно уверен.

— Так, так. Что же в таком случае кильватер, это чисто морской инструмент. Точная механика. Одним словом, прибор для измерения чего-то.

Наступило молчание.

— А бак?

— Что бак?

— Ну бак. Вообще.

— Вообще это корма.

— По-гречески!

— Кажется. Значит, вернемся к греческому. 30—трионда, 40 — саранда, 50 — пеннида, 60 — эскинда.

Между тем берега приближались. И скоро добытые сведения придется пустить в ход. И аркадаши, что значат товарищ, и синдрифос, что тоже значит товарищ, и кампанио, что тоже значит товарищ.

В кают-компании жаловались на то, что в словарики мало слов.

— Куда там с полусотней слов! Трудновато будет объясняться.

Через положенное время Нерка принесла шесть отличных мордатых круглобоких щенят чисто бульдожьей породы, которых портила одна лишь маленькая порочность: у каждого щенка имелся большой, черный, пушистый, лежащий на спине «кенделем хвост». Вместе с кенделемобразным хвостом рухнула возможность продать приплод с прибылью. Щенков раздарили. Нерку подвергли строгому заточению и снова стали ждать приплода. По ночам, а также по утрам, дням и вечерам под окнами отца Вострикова медленно похаживал порочный Марсик, уставая единственным нахальным глазом в окна и жадно подывая.

Несмотря на тюремный режим и новые три рубля, затраченные на секретарского кобеля, второе поколение еще больше напоминало бродягу Марсика. Один щенок родился даже одноглазым. Успех бродячего пса был совершенно необъясним. Тем не менее, щенки из третьей серии (их было двенадцать) оказались вылитыми марсиками и от визитов к уисполкомскому медалисту заимствовали только кривые лапы. Отец Востриков хотел горяча вынуть иск, но так как Марсик не имел хозяина, вынуть иск было некому. Так распался «конский завод» и мечты о верном постоянном доходе.

Ничего, хватит. Вы не забывайте, что, кроме этих слов, есть еще слова, созданные революцией. Они стали международными.

Это поистине новый язык.

Пятилетка.

Советы.

Промфинплан.

Большевик.

Днепрогос.

Маянготрогос.

Балморострой.

Колхозы.

Их много, этих слов, и их поймут без перевода даже те, куда мы ни придем.

1933 г. «Красный Черноморск» — походная газета, № 1.

Иллюстрации народных художников СССР лауреатов Ленинской премии Кузнецовых и романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев». «Воробьянник в дворничих» и «Утро после Васюков». Публикуется впервые.

вам сделал Тирсо Федорович? Это, наконец, все в традициях МХАТ. Что скажут Константин Сергеевич с Владимиром Ивановичем! Неудобно! Что подумает Антон Павлович!

Александр Морисович! Вы же покровитель искусства, старый работник цирка. Неужели долгая совместная работа со львами, тиграми и другими гадами не привила вас к осторожности? Александр Морисович! Как это у вас театр оказался без актеров? Ах, как плохо нехорошо! Некрасиво вышло.

Николай Михайлович! Павел Александрович! Ну что

Литературная Россия

22 ДЕНЬ 1933